
Архиерейский сын боярский Михайло Окулов и мезенские промышленники Инковы: раскол, колдовство и покровительство на Русском Севере в конце XVII в.

Сергей Никонов

**Bishops' Boyar Scion Mikhailo Okulov
and the Mezen manufacturers Inkovs: the schism, witchcraft
and the patronage in the Russian North at the end of the 17th century**

Sergey Nikonov

*(Murmansk Arctic University, Russia;
Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Apatity)*

DOI: 10.31857/S2949124X25020175, EDN: DRLNAT

Ранним утром 19 октября 1688 г. в мезенской Окладниковой слободе¹ архиерейский сын боярский Иван Окулов, исполняя указ архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия (Любимова), попытался задержать крестьян Инковых, обвиняемых в колдовстве и церковном расколе. Их вина усугублялась тем, что у себя дома они держали «многие неисправные книги, и богомерские писма, и травы, и коренья»². Семёна, Емельяна и Карпа Инковых следовало доставить в Холмогоры, а все «неисправные книги и богомерские писма» изъять и составить их опись³. Для ареста раскольников Окулов взял понятых: десятского⁴ священника Троицкой церкви Лампожни Василия Кирилова, дьячков Григория Савинова и Игнатия Тимофеева, пономаря Мокейку Иванова, волостного десятского Моску Петрова и холмогорца Андронку Павлова⁵. Последний не принадлежал к церковному причту и выборной администрации Мезени, он оказался здесь по своим делам, и Окулов попросту приказал ему участвовать в поимке крестьян⁶.

© 2025 г. С.А. Никонов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-20047, и Соглашения между Минобрнауки Мурманской области и Мурманским арктическим университетом № 199 от 03.05.2024.

¹ Окладникова слобода – административный центр Мезени. Поселение возникло в середине XVI в. как место жительства кречатых помытчиков – ловцов хищных птиц для царской соколиной охоты. По соседству с ней находилась Кузнецовая слободка. В 1780 г. они были объединены в одно поселение – город Мезень, центр Мезенского уезда (*Окладников Н.А.* Этот дальний городок на реке Мезени (Из истории города Мезени) // *Окладников Н.А.* Край родной Мезенский: о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 12–15, 21).

² Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО), ф. 1025, оп. 1, д. 214, л. 1.

³ Там же, л. 2–3.

⁴ Десятский священник – церковно-административная должность с судебными функциями по отношению к членам клира.

⁵ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 208, л. 2.

⁶ В судебном процессе в России XVI–XVII вв. назначенная и выборная администрация привлекала необходимое количество людей для проведения розыскных мероприятий и составления протокола. Нередко местное общество игнорировало эти требования (*Коллман Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2012. С. 73–77).

Застать Инковых врасплох не удалось: их кто-то предупредил об этом визите. Подходя к дому, группа заметила, как из него к соседнему двору выбежала девочка – дочь Инкова. В одной руке у неё был мешочек, а во второй фонарь или открытый огонь, чтобы освещать путь в темноте. Постучав в ворота дома, она пыталась передать мешочек, чтобы его спрятали. Окулов с понятыми оказались расторопнее. Заметив их, девочка бросила поклажу и убежала домой⁷. Следом направились сын боярский и сопровождавшие его люди. Зайдя во двор Инкова, преследователи повстречались с матерью разыскиваемого. На вопрос, где сын, она ответила, что «Сенка ушел тому-де дней с шесть на озеро промышлять рыбы». Захваченный мешочек, а также какую-то «коробью» решили оставить в опечатанной клети. Окулов намеревался дождаться возвращения Семёна Инкова с рыбного промысла, чтобы предъявить ему улики и задержать. Арестованное имущество в клеть понёс холмогорец Андрон Павлов. В тёмных сенях на него напали Карп и Иван Инковы, братья «расколника». Андрона схватили, выволокли на улицу и избили палками. Коробья осталась в сенях, а злополучный мешочек он продолжал держать в руках. К братьям Инковым присоединились ещё семь человек, бросившихся избивать Павлова. Во время побоев нападавшие грозились, что «они ево зарежут и посадят в воду»⁸. Только после того, как несчастный выпустил мешочек из рук, его оставили лежать на улице. По показаниям Андрона Павлова, Инковы ругали «матерны» Ивана Окулова и указ об их аресте, выданный архиереем, но ни сын боярский, ни местный причт и выборные, сопровождавшие его, физическому насилию не подверглись.

Конфликт, в центре которого оказались раскольники и колдуны Инковы, имел предысторию. В ней соединились начало распространения староверческого движения на Русском Севере и организация борьбы с расколом в Холмогорской и Важской епархии, колдовство в XVII в., наконец, патронат и роль стратегий покровительства в выстраивании вертикальных взаимосвязей между представителями разных социальных групп. Все перечисленные сюжеты рассматриваются в современной историографии⁹.

Этот конфликт рассмотрен в литературе частично, причём исследователи ограничились лишь кратким пересказом событий¹⁰. Попытка ареста Инковых помещалась в контекст истории борьбы официальной Церкви с расколом или коллективной биографии крестьян-промышленников, оставивших след в истории Русского Севера XVII – начала XX в.¹¹ Рассматриваемый сюжет

⁷ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 228, л. 2.

⁸ Там же, л. 3.

⁹ Коллман Н.Ш. Соединённые честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001; Кром М.М. Патронат и клиентела в Московском государстве XVI–XVII вв.: историография и проблематика // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 26. 2021. № 4. С. 66–78; Козляков В.Н. Частная жизнь в России XVII в. (по материалам церковного суда) // Российская история. 2023. № 4. С. 56–73; Старицын А.Н. Староверческое движение в Поморье во второй половине XVII – первой трети XVIII в. (Опыт изучения и локализации поселений староверов). СПб., 2023.

¹⁰ Шульгин Н.В. Нетромкая слава Иньковых // Генеалогия на Русском Севере: история и современность. Сборник статей. Архангельск, 2003. С. 148–150; Шумилов Н.А. Архангельский родословец (генеалогия наиболее известных дворянских, купеческих, мещанских и крестьянских родов Архангельской земли): генеалогический справочник. Архангельск, 2009. С. 182.

¹¹ Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 52–53; Окладников Н.А. Российские колумбы: Мезенские полярные мореходы и зем-

представлен в целом комплексе документов. Единичные из них опубликованы и получили беглую характеристику в работе Н.А. Шумилова¹². Речь идёт о группе делопроизводственных материалов, отложившихся в фонде Канцелярии епископа Архангельского и Холмогорского (ф. 1025) Государственного архива Архангельской области¹³. Значение имеют и источники, выявленные в РГАДА. Это «розыск» о злоупотреблениях пустозерских воевод Леонтия Романовича и Ивана Яковлевича Неплюевых, челобитные вдов братьев Окуловых, переписные книги Двинского и Мезенского уездов, хозяйственная документация Холмогорского архиерейского дома конца XVII в.

Когда состоялось знакомство Окуловых и Инковых, неизвестно. Несомненно, оно стало возможным благодаря совпадению деловых интересов семей: обе занимались зверобойным промыслом на Новой Земле. История рода Окуловых начинается с братьев Матюшки и Ивашки Митрофановых детей, совместно владевших лодьёй и карбасом¹⁴ на Тиманском (Тиунском) берегу (побережье Баренцева моря от Чёшской до Печорской губы) Мезенской тундры. В 1673 г. суда заприметили предприимчивые воеводы Пустозерска Леонтий Романович и Иван Яковлевич Неплюевы. Конфискация состоялась в соответствии с царским указом о возмездном изъятии у промышленников судов для «прииску всяких руд, и узорочного каменя, и жемчугу» на Новой Земле¹⁵. Это была не первая экспедиция на архипелаг, организованная правительством¹⁶. Но воеводы нашли лодье другое применение: наняв в Пустозерске артель во главе со стрельцом Фёдором Шадрой, её отправили на зверобойный промысел. У берегов Долгого острова лодья вмёрзла в лёд и была оставлена. Уезжая с воеводства, Неплюевы передали суда в собственность местному причту. Леонтий Неплюев пожертвовал две четверти лодьи «по родителех» в церковь Спаса и местным священникам. Иван Неплюев половину своей доли продал той же церкви¹⁷. Впоследствии священники перепродали лодью и карбас другим людям. Пожаловавшись на самоуправство воевод в Москву, братья Окуловы добились компенсации в размере 143 руб. 60 коп.¹⁸ и, несмотря на изъятие судов, не

ледроходцы (XVI – начало XX века). Архангельск, 2008. С. 22–23, 61–64; Шульгин Н.В., Санакина Т.А. Окладникова слободка. Архангельск, 2004. С. 21–23; Старицын А.Н. Староверческое движение... С. 82–83.

¹² Память архиепископа Афанасия об отлучении от церкви семей староверов братьев Иньковых // Русский Север и архиепископ Афанасий. Сборник научных статей. Архангельск, 2003. С. 196–197; Шульгин Н.В. Негромкая слава Иньковых... С. 148–149.

¹³ Выражаю благодарность С.О. Шаляпину за помощь в работе с этим комплексом документов.

¹⁴ Лодья – морское палубное судно, с одной (реже двумя) мачтами, использовавшееся для грузовых перевозок; карбас – общее наименование небольших судов, способных идти под парусом и на вёслах, для озёрно-речного и морского промыслов. На зверобойных арктических промыслах использовались карбасы (головной, белущий, весновальский), которые можно было вытаскивать на лёд (Филин П.А., Курноскин С.П. Народное судостроение в России: Энциклопедический словарь судов народной постройки. СПб., 2016. С. 144, 216–218).

¹⁵ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 560, л. 127–128.

¹⁶ Во второй половине XVII в. были предприняты две геологоразведочные экспедиции на Новую Землю – в 1651–1652 и 1672 гг. В обеих участвовали представители рода Неплюевых (Белов М.И. Указ. соч. С. 64–66; Филин П.А. Экспедиция пустозерских воевод Леонтия и Ивана Неплюевых на Новую Землю для поиска серебряной руды в 70-х гг. XVII века // Полярный архив. Т. 1. М., 2003. С. 208–210; Курлаев Е.А. Поиски руд в Пустозерском уезде и на полярном Урале до начала XVIII в. // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. С. 275–278; Канев Ю.В. Канувший в лету: Заполярный Пустозерск. Нарьян-Мар, 2012. С. 78–83).

¹⁷ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 564, л. 165, 173.

¹⁸ Там же, д. 549, л. 1–2; д. 560, л. 123–125, 133; д. 564, л. 162.

забросили промысла, отправляя на Новую Землю ежегодно два коча¹⁹. В числе нанятых ими в 1682/83–1684/85 гг. промышленников оказались кормщики братья Инковы²⁰.

Первые свидетельства о старожилах Окладниковой слободы Инковых относятся к 1610-м гг.²¹ С 1670-х гг. документы фиксируют участие представителей этого клана в промысле морского зверя на Новой Земле²². В переписной книге Кеврольского и Мезенского уездов 1645/46 г. указан двор Степанки Михайлова [Инкова] со взрослыми сыновьями Ларкой и Карпушкой²³. Спустя 30 лет сыновья отделились от отца, обзаведясь собственными дворами. В 1678 г. в Окладниковой слободе были три двора Инковых: Григория Степанова; Лариона Степанова с сыном Семёном; Карпа Степанова с сыновьями Карпом и Емельяном²⁴. К концу 1680-х гг. род был представлен братьями Карпом и Ларионом с сыновьями. Фамилия Инковых закрепилась в топонимии. Напавшие 19 октября 1688 г. на понятого Андrona Павлова люди, избив его, волокли «по улицы до ручья Инькова»²⁵. М.И. Белов предположил, что фамилией мезенских промышленников назван один из мысов острова Вайгач – Инков нос²⁶.

Если клан Инковых представлял разветвлённую родственную структуру, жившую несколькими дворами, то Окуловы в конце 1670-х гг. составляли братскую семью²⁷, которую возглавляли Матвей, Иван и Максим Митрофановы. У каждого из них были свои семьи. Матвей, женатый на Татьяне Ивановой дочери, имел одного сына; Иван состоял в браке с Александрой Прокофьевой, в котором родились четверо сыновей – Михаил, Иван и два Василия (старшему, Михаилу, на 1678 г. исполнилось 11 лет). У Максима был один сын. О сравнительном достатке братьев говорит проживание на подворье работника с тремя сыновьями и подсобедника²⁸.

Окуловы привлекались властью к исполнению должностных повинностей. Неоднократно им приходилось бывать в Москве. Матвей Окулов нёс службу таможенного и кружечного головы на Холмогорах и в Архангельске²⁹. На лодье

¹⁹ Коч – тип судна, использовавшийся в XVI – первой половине XVIII в. для перевозки промышленников и грузов на острова и архипелаги Арктики, а также в Сибири (*Филин П.А., Курносчин С.П. Народное судостроение...* С. 192–193; *Вершинин Е.В., Кухтерин С.А., Наймарк М.Л., Филин П.А. Коч – судно полярных мореходов XVII века. Новые данные.* М., 2022).

²⁰ Об этом упоминают в членитной сыновья Ивана Окулова Михаил, Иван и Василий. По их словам, в прошлые годы братья Инковы «от отца нашего и от нас к Новой Земли» ходили (ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 245, л. 2).

²¹ Перха Инков с братьями владел сенными покосами на Меньшиковском островке на реке Мезени (Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С.Б. Веселовский. М., 1983. С. 83, 265; *Шульгин Н.В. Негромкая слава Иньковых...* С. 148; *Шумилов Н.А. Архангельский родословец...* С. 182).

²² *Шульгин Н.В. Негромкая слава Иньковых...*

²³ РГАДА, ф. 1209, д. 15054, л. 509 об.

²⁴ Там же, д. 15055, л. 193.

²⁵ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 227, л. 3.

²⁶ *Белов М.И. Указ. соч.* С. 53.

²⁷ Братская семья – большая семья, в которой проживали взрослые братья с семьями, совместно ведшие хозяйство.

²⁸ Холмогорские посады по переписной книге стольника Афанасия Денисовича Фонвисина (Фонвизина) да подьячего Фёдора Замятнина. 1676–1678 гг. // *Ясински М.Э., Овсянников О.В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники.* Т. 2. СПб., 1998. С. 358.

²⁹ РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 2468, л. 135.

Ивана Окулова перевозили хлеб для жалованья стрельцам Кольского острога³⁰. В сентябре 1676 г. лодья, не дойдя до места назначения, «в тумане нашла на коргу (морскую отмель. — С.Н.)» и получила пробоину. В разгар бурных событий стрелецкого бунта весной 1682 г. в Москве оказался Максим Окулов. Вернувшись домой, он чуть было не спровоцировал волнения на Двине. Дьяк Е.И. Украинцев писал кн. В.В. Голицыну, что Максим «разсивал многие лживые непристойные слова и возбуждал тамошних жителей ко всякому дурну и несогласию». Слушая его, местные стрельцы начали замышлять «всяко[е] дурн[о]» на двинского воеводу кн. Н.С. Урусова³¹. В чём заключались эти «непристойные слова», неизвестно, но, к счастью, социального конфликта они не спровоцировали.

К середине 1680-х гг. дело Матвея и Ивана Окуловых терпело крах. Во время поездки в Москву в 1683/84 г. Иван скоропостижно умер. Незадолго до того их лоды «от морских вод» разбились. Несчастье, скорее всего, случилось при возвращении с промысла, поскольку с кораблями погиб и перевозимый на них товар. В 1685 г. умер и Матвей. В довершение бед сгорел двор Окуловых, причём погибли финансовые документы: «многие писманные крепости и платежные отписи»³².

Занимаясь предпринимательством, братья к концу жизни оказались в долгах, которые перешли по наследству вдовам и сыновьям. Последние не видели возможности по ним расплатиться и просили царей Ивана и Петра Алексеевичей об отсрочке³³. Связь Ивана Окулова с архиерейским домом остаётся неясной, но с 1685 г. его сыновья начали службу при архиерейском дворе.

Архиерейские служилые люди лишь в недавнее время стали объектом внимания исследователей. А.В. Матисон, рассматривая эту социальную категорию на материале Тверского архиерейского дома, выделил два пути её формирования: из служилых людей «по отечеству» либо из зависимых от архиерейского дома групп населения (священнослужителей, слуг)³⁴. В истории Новгородского и Вологодского архиерейских домов дети боярские нередко составляли семейные династии, служившие на протяжении десятилетий³⁵. В Двинском уезде не было привилегированного служилого населения, поэтому архиерейские дети боярские рекрутировались здесь из холмогорских посадских людей и других слоёв общества. В.М. Верюжский и Т.А. Санакина выявили, что холмогорские архиерейские служилые люди делились на три статьи: исполнители поручений архиепископа, рассыльные по архиерейским делам и исполняющие полицейские функции³⁶. Для каждой категории был установлен размер денежного

³⁰ Там же, д. 765, л. 1.

³¹ Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов / Сост. Н.Г. Савич. М., 1976. № 45. С. 65.

³² РГАДА, ф. 159, оп. 3, д. 2468, л. 135, 274.

³³ Там же.

³⁴ Матисон А.В. Архиерейские «поместные» и «оброчные» дети боярские Тверской епархии XVII–XVIII вв. // Российская история. 2021. № 2. С. 28–40; Матисон А.В. Архиерейские дворяне, дети боярские и приказные служители в XVII–XVIII веках (Тверской архиерейский дом, 1675–1764 гг.). М., 2021. С. 25–89; Шамина И.Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023. С. 149–150.

³⁵ Греков Б.Д. Новгородский дом святой Софии. СПб., 1914. С. 525; Башинин Н.В. Состав двора вологодского архиерея в последней четверти XVII века (по материалам приходо-расходных книг) // Исторический курьер. 2024. № 2(34). С. 116–117.

³⁶ Верюжский В.М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет её существования и вообще Русской церкви в конце

и хлебного окладов. В конце XVII в. штат архиерейских детей боярских Холмогорского архиерейского дома насчитывал 26 человек³⁷.

Служба Окуловых в документах Холмогорской кафедры фиксируется с 1685 г. Михаил и Иван служили подьячими в Судном приказе с годовым жалованьем в 3 руб.³⁸ Они закупали товары на Важской ярмарке, собирали церковную дань в Мезенском и Кольском уездах и т.п. Некоторые поручения говорили о доверии архиепископа Афанасия к Михаилу Окулову. В ноябре 1687 г. он доставил в Холмогоры несколько царских грамот: две двинскому воеводе К.Ф. Нарышкину, две – архиепископу. Растропность и исполнительность Михаила архиерей оценил по достоинству, 16 октября 1687 г. пожаловав ему землю под строительство двора и заведение огорода³⁹. Служба должна была спасти Окуловых от нищеты, однако они не оставили и семейное дело – организацию зверобойных промыслов. В октябре 1685 г. Михаил продал старцам холмогорского Красногорского монастыря 15 штук «кости рыбья зуба» за 9 руб. 50 коп.⁴⁰

Давние партнёры семейства Окуловых братья Инковы неоднократно выходили на промысел от них. Обиды, копившиеся годами, выплеснулись в чебобитной, поданной архиерею Михаилом, Иваном и Василием Окуловыми 26 октября 1688 г.⁴¹ Причиной её подачи стало нарушение Инковыми условий договоров. Артель должна была возвращаться в порт, указанный в договоре. Здесь добычу сдавали хозяину, и происходил расчёт между сторонами⁴². Кормщики же Инковы вместо возвращения в Архангельск уходили домой, в Мезень. Добычу, которую следовало сдавать хозяевам по установленным ценам, они частично разворовывали, частично продавали «самою малою ценою» (присвоили хлебные запасы, семь бочек моржового сала, шкуры моржа). Кормщики забирали себе и «запасы» – орудия промысла и продовольствие, предназначавшееся для артели. Почему Окуловы не жаловались на кормщиков ранее, чебобитная не поясняет. Напротив, стремясь сохранить промысел, они залезли в долги, ежегодно отправляя «карбасы и работных людей и имая хлебные запасы дорогою ценою». Общая сумма ущерба составила 106 руб. 14 коп.⁴³

Злоупотребления кормщиков отдалённых арктических промыслов представляли собой типичное социальное явление. Хозяин чаще всего оставался на Большой земле и не мог контролировать артель. Ответственность за ведение промысла, поддержание порядка в артели и сохранность имущества ложились на плечи кормщиков. Некоторые из них злоупотребляли положением, при случае распродавая хозяйское имущество. О подобных фактах сообщают этнографические материалы середины XIX в.; документальные свидетельства известны и для последней трети XVIII в.⁴⁴ Материалы судных дел по таким вопросам

XVII в. СПб., 1908. С. 392–393; Санакина Т.А. Служители Холмогорского архиерейского дома в 1682–1690 годах // Поморский летописец. Вып. 2. Архангельск, 2009. С. 47–61.

³⁷ Санакина Т.А. Служители Холмогорского архиерейского дома... С. 50, 55–57.

³⁸ Там же. С. 56, 58.

³⁹ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 115, л. 1–3; д. 125, л. 7; д. 148, л. 1; д. 152, л. 1; оп. 2, д. 51, л. 1.

⁴⁰ Там же, ф. 309, оп. 5, д. 16, л. 100.

⁴¹ Там же, ф. 1025, оп. 1, д. 245, л. 1–3.

⁴² Никонов С.А. «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался»: Промысловая колонизация Мурманского берега и Новой Земли крестьянами и монастырями Поморья в XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2020. С. 245–250.

⁴³ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 245, л. 2, 3.

⁴⁴ Харитонов А. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене): Из записок шенкурца // Отечественные записки. Т. 66. 1849. № 10. С. 284; Никонов С.А. Кормщик-груманлан

выявлены в протоколах заседаний Архангельского городового магistrата⁴⁵. Существовал ли подобный порядок в XVII в., неизвестно.

Возникший конфликт не разрешался полюбовно, о чём свидетельствует обращение Окуловых к архиепископу. Но в компетенции архиерея находились духовные, а не светские дела. Именно поэтому в челобитной приведены серьёзные обвинения Инковых в «духовном деле». Так, в 1682 г. (за шесть лет до подачи челобитной. – С.Н.), идя на новоземельский промысел, Инковы были досмотрены стрелецким сотником на таможенной заставе в устье Северной Двины. Привычная процедура заключалась в проверке перевозимого груза, где могли обнаружиться запрещённые товары. В ходе досмотра у Емельяна Инкова нашли «богомерские травы и коренья». С этой находкой сотник хотел доставить Емельяна для следствия на Холмогоры, но тот смог откупиться «нашими (Окуловыми. – С.Н.) запасы и денгами»⁴⁶. Случай, описанный в челобитной, произошёл при жизни глав клана Окуловых – Матвея и Ивана Митрофановых. Сыновья-челобитчики об этой истории могли знать со слов старших. Действительно ли Инковы откупились от стрелецкого сотника имуществом своих хозяев, или сыграло роль покровительство Матвея Окулова, занимавшего должность таможенного и кабацкого целовальника? На этот вопрос ответа нет.

На этом вины Инковых не заканчивались. Так, Семён Ларионов и Емельян Карпов не ходили на исповедь, а Карп Степанов и вовсе «чинил церковной раскол». После случая на заставе кормщики продолжали держать в доме «богомерские всяки писма, и травы, и коренья». Именно расколом и колдовством Окуловы объясняли возвращение кормщиков с промысла в Мезень, а не в Архангельск. Челобитчики просили архиепископа Афанасия выслать в Окладникову слободу сына боярского и приставов для ареста Инковых, а в их доме советовали учинить обыск⁴⁷. В итоге в Мезень отправился сын боярский Иван Окулов.

Основным стало обвинение в колдовстве. Колдунами чаще всего объявлялись мужчины, использовавшие арсенал магических средств, мало отличимых от знахарских снадобий. В отличие от Западной Европы, в России не сложилось представлений о связи колдуна с дьяволом и его прислужниками, поэтому дела о колдовстве часто попадали в светские, а не в церковные суды⁴⁸.

Инструментарий Инковых был вполне типичным для колдовской повседневности XVII в.: «магические растения» (травы и корешки), какие-то тетради с заговорами («богомерские писма»)⁴⁹. Магические практики использовались

Филат Вожевольный: этапы биографии в контексте российского освоения архипелагов и островов Арктики в последней четверти XVIII – начале XIX в. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 4. 2022. № 3. С. 5–12.

⁴⁵ ГА АО, ф. 47, оп. 1, д. 14, л. 683, 691 об.–697 об., 802–802 об., 883–883 об.; д. 15, л. 99–104 об., 114–114 об., 123 об.–124, 160–161, 169 об.–170 об., 204 об.–205, 236–236 об., 311 об.–312, 331–332, 338–339, 345 об.–346 об., 448 об.–449, 515 об.–516 об., 645–654.

⁴⁶ Там же, ф. 1025, оп. 1, д. 245, л. 2.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Кивельсон В. Магия отчаяния. Моральная экономика колдовства в России XVII века. М., 2020. С. 76. См. также: Колман Н.Ш. Преступление и наказание... С. 271–274, 279–282; Шашков А.Т. Якутское дело о колдуне Иване Жеглове // Шашков А.Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 377–380; Харина Н.С., Петухова Е.Н. Категориальная характеристика дел, рассматриваемых церковно-судебными органами Тобольской епархии // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 12. 2020. № 6. С. 86–89. О компетенции церковного суда в России XVII в. см.: Частная жизнь в России XVII века. Записные книги Духовного приказа Рязанского митрополичьего дома 1660–1670-х годов / Под. общ. ред. В.Н. Козлякова, подгот. текста И.А. Бусарев. М., 2023. С. 3–44.

⁴⁹ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 208, л. 2; д. 214, л. 1–3; д. 227, л. 2; д. 245, л. 2.

для достижения самых разных целей — от любовного приворота до наведения порчи и сведения счётов. В соответствующем перечне, помещённом в работе В. Кивельсон, охотничьей магии отводится скромное место⁵⁰. Но говорит ли это о той роли, которую могла играть магия в жизни охотников и рыболовов — основных экономических групп общества Русского Севера? Действительно, зачем Инковы брали с собой на Новую Землю записанные заговоры и растения для колдовства? Они могли использоватьсь, чтобы привлечь удачу на охоте или, возможно, избежать несчастного случая. В.Н. Власова, исследовавшая фольклор грумантланов, русских зверобоев Шпицбергена XVIII — первой половины XIX в., описала их представления о мифических существах, от которых зависели удача на охоте (грумантский Пёс, норвежский принц), а также жизнь и здоровье промышленников (девы-лихорадки и старуха Цинга)⁵¹.

В вину Инковым поставили не только колдовство, но и игнорирование исповеди. С середины XVII в. в Русской Церкви ввели контроль за посещением этого таинства, закреплённый постановлением Московского собора 1666—1667 гг. Исследователи оценивают его как складывание одной из форм учёта населения, окончательно оформленвшейся уже в петровскую эпоху⁵². Архиепископ Афанасий, занявший Холмогорскую кафедру в 1682 г., в серии наказов предписывал священникам узнавать у прихожан, были ли они на исповеди и у причастия. Уже с 1680-х гг. подобный учёт стал формой контроля староверов⁵³. А.Н. Старицын показал, что Московский собор 1681—1682 гг., учредивший 11 новых епархий, ввёл преследование староверов и их предание светскому суду. Это предписание последовательно исполнялось в Холмогорской епархии с 1682 по 1702 г.⁵⁴ Участие в розыске староверов принимали не только церковные и светские власти, но и выборные крестьянских миров.

Колдовство и пренебрежение исповедью вряд ли были секретом в локальном мире Окладниковой слободы. Вернувшись в Холмогоры, сын боярский Иван Окулов докладывал архиепископу о похвальбе Инковых. Кормщики не подлежали суду архиерея, иск против них следовало предъявлять «великим государем, а на Мезени воеводе»⁵⁵. В случае попытки использовать против них силу Инковы грозились обратиться за помощью к местному миру: «У них же есть людей человеков со сто, могут же их, сына боярского и подъячего, смертно прибить». Ехать в Холмогоры они отказались из соображений личной безопасности: к Афанасию ехать «только на муку, он же, архиерей, мучитель»⁵⁶. В доказательство Инковы приводили судьбу Дениса Юзжина и Лёвки Сивкова, «мучимых» церковной властью.

⁵⁰ Кивельсон В. Магия отчаяния... С. 54, 141.

⁵¹ Власова М.Н. Русский фольклор Грумантса (Шпицбергена) // Русский фольклор: материалы и исследования. СПб., 2016. С. 386—407.

⁵² Черкасова М.С. Население Русского Севера // Очерки демографической истории России. XI—XXI века. В 7 т. Т. 2. М., 2022. С. 247—249; Черкасова М.С. Человек в зеркале исторической демографии XVI — начало XVIII в. Вологда, 2023. С. 294—309.

⁵³ Булатов В.Н. «Муж слова и разума»: Афанасий — первый архиепископ Холмогорский и Важский. Архангельск, 2002. С. 223; Старицын А.Н. Староверческое движение... С. 73—74; Черкасова М.С. Население Русского Севера. С. 248—249.

⁵⁴ Старицын А.Н. Староверческое движение... С. 72, 82—86.

⁵⁵ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 281, л. 2. В 1688 г. мезенским и кеврольским воеводой был М.Р. Воейков (Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия / Сост. А. Барсуков. СПб., 1902. С. 99).

⁵⁶ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 281, л. 2, 4.

Реакция Афанасия на отказ Инковых к нему явиться была ожидаемой. Наказная архиерейская память от 14 ноября 1688 г. предписывала Ивану Окулову вновь ехать в Окладникову слободу со стрельцами для «обыску» писем и трав⁵⁷. Состоялась ли эта поездка, неизвестно. Не исключено, что дело на этот раз не получило развития, поскольку 25 октября 1688 г., ещё до архиерейского указа, Семён Ларионов и Емельян Карпов Инковы дали поручную запись, чтобы им «стали... на Колмогоры во архиерейском Судном приказе». Поручителем выступил житель той же слободки Карп Алексеев Привалов. В случае нарушения условий поручной им грозила пеня, «что преосвященный архиепископ укажет»⁵⁸.

Несмотря на грозное внушение и готовность использовать силу, Инковы не торопились в Судный приказ, надеясь разрешить дело каким-то другим способом. Случай вскоре представился. В начале 1689 г. на Мезени оказался один из братьев Окуловых, Василий, приехавший для «данно[го] збор[у]» в архиерейскую казну. С ним прибыл Иван Петров (приказчик тестя Михаила Окулова). В слободе произошла встреча с Семёном и Карпом, спросивших у Василия, «кто на них преосвященному архиепископу челобитчик?». Узнав, что главным челобитчиком был Михаил, Инковы предложили способы решения дела миrom, соглашаясь выплатить компенсацию и отправить для переговоров своих представителей – Даниила Куренгина и Корнила Дмитриева⁵⁹.

Встреча с переговорщиками состоялась в Холмогорах. Даниил от лица Инковых предложил выплатить отступные деньги за «изъяны» в промысловом деле и передал Михаилу 15 руб. Михаил писал Инковым, что если предложение действительно, то за это будет «от Бога и от архиерея государя прощение». Такой же ответ получил и второй посланник – Дмитриев: если «мне в прежних промыслах в великих изъянах падмогу учините и убытки мои подимите», конфликт будет разрешён. Для окончательного согласования условий Михаил пригласил в Холмогоры Семёна Инкова или кого-то «из сродников» этого клана. Своё желание поучаствовать в деле архиерейский подьячий объяснил мотивом христианской любви и дружеской привязанности («памятую твою, Семен, прежнюю любовь»). Завершала послание Михаила поговорка, раскрывающая недоверие к старым партнёрам и кару, ожидающую христианина в случае обмана: «А буде тебе не нужда, то ино Бог вам в помочь, есть со Июдою во аде часть»⁶⁰.

Соглашение, на которое готов был пойти Михаил, предполагало приезд Инковых в Холмогоры для разбирательства в Судном приказе. Тем самым подьячий ручался за лояльность кормщиков архиерейской власти. Несмотря на письменное (от 25 октября 1688 г.) и, возможно, устное поручительство, Инковы так и не приехали. 4 апреля 1689 г. Михаил Окулов подал Афанасию челобитную. В ней он жаловался, что Семён и Емельян уже три месяца как «на Колмогоры не стали», и просил отправить в Окладникову слободку сына боярского Ивана Кончакова⁶¹.

Наказные памяти архиепископа, выданные 4 и 10 апреля 1689 г. Ивану Кончакову и подьячему Алексею Сийскому, повторяли набор действий, ранее совершённых Иваном Окуловым и понятыми, так и не добившимися успеха. Требовалось взять в понятые священника Василия и «церковных причетни-

⁵⁷ Там же, д. 228, л. 5.

⁵⁸ Там же, д. 227, л. 1.

⁵⁹ Там же, оп. 2, д. 112, л. 1.

⁶⁰ Там же, оп. 1, д. 274, л. 3–3 об.; оп. 2, д. 112, л. 1.

⁶¹ Там же, д. 303а, л. 4.

ков», после чего арестовать Инковых и доставить их в Холмогоры. Если Семён и Емельян станут «укрываемца или отбыватца», представителям архиерея следовало взять под арест братьев, жён и детей, а также поручителя. Накладывал Афанасий и суровое наказание — отлучение от Церкви всего клана Инковых, запрещение входить «в церковь и в трапезу», крестить младенцев, отпевать усопших, исповедоваться и причащаться. Тяжесть этой меры вскоре испытал на себе Карп Инков: родившегося у него 20 июля 1689 г. сына запретили крестить и читать над ним молитвы. В церковь не допускалась и роженица⁶².

Отказ Инковых явиться в Холмогоры вызывал обеспокоенность Михаила Окулова, вынудив его ещё раз обратиться к ним с письмом. Подьячий упрекал бывших партнёров, что они «себе учинили худо», не став в назначенный срок в Судном приказе: со стороны каких-то неизвестных лиц им был «великий обнос» по обвинению в расколе. О своей членобитной, где Карп Инков объявлялся раскольником, Михаил, разумеется, не вспоминал. Напротив, он, апеллируя к прочным социальным взаимосвязям Окуловых и Инковых (вспоминая «прежнюю вашу любовь»), обещал содействие в решении дела. Он советовал, пользуясь моментом, приехать в Холмогоры как можно скорее, пока архиепископ Афанасий отбыл в Москву. Глава Судного приказа иеромонах Аврамий (Митусов) заверял Михаила, что проявит милость к Инковым. Сам Окулов обещал «заступать» перед судьёй за кормщиков, что могло быть связано с хорошими личными отношениями подьячего с главой приказа. Расчёт заключался и в том, что Инковы, дав показания («скаски») в приказе, смогут отвести обвинения в расколе. Как человек, хорошо знавший психологию своего господина — архиепископа Афанасия, — Окулов заверял мезенцев, что признание сможет «ево архиерейской гнев» смягчить, поскольку для него «всех... лутче... кто принесет ему вину да противен не учинитца»⁶³.

Обвинения в колдовстве, как писал Михаил Окулов, утратили силу, поскольку сотник, видимо, обнаруживший мешочек с травами и кореньями на речной таможенной заставе в 1682 г., скончался. Подтвердить данное самими же Окуловыми показание о мешочке с зельем оказалось некому. Улики на кормщиков, хранившиеся в Судном приказе, сожгли не названные по имени «начальники». И вновь Окулов убеждал довериться его помощи и «доброте» архиерейского судьи: «Нынешной мешек не помянетца от судьи, потому что он самой доброй и смиренной человек»⁶⁴. Чего больше в предлагаемом содействии — желания восстановить отношения или извлечь выгоду из посредничества в разрешении конфликта — сказать сложно.

Случай Окуловых и Инковых раскрывает действие патрон-клиентских отношений⁶⁵ в среде, не знавшей выгодных назначений по службе и обеспечения землей и деньгами. Тем не менее в письмах Михаила Окулова мы находим

⁶² Там же, оп. 1, д. 265, л. 1–2; д. 266, л. 1–2; д. 267, л. 1; д. 269, л. 3; д. 282, л. 1.

⁶³ Там же, д. 1295, л. 1–1 об.

⁶⁴ Там же, л. 1 об.

⁶⁵ Эта тема стала объектом внимания исследователей относительно недавно. См., например: Седов П.В. Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2006. С. 91–110; Седов П.В. Практика взаимодействия монастырских властей с «добрими людьми» в Москве во второй половине XVII в. (по материалам Антониево-Сийского монастыря) // Российское государство в XVI–XVIII века. Сборник статей к 70-летию Андрея Павловича Павлова. М., 2022. С. 384–412; Кром М.М. Патронат и клиентела... С. 66–78; Павлов А.П. Дворовые и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. Т. 1. СПб., 2018. С. 465–470; Павлов А.П. Патронатно-клиентальные отношения при московском дворе в годы царствования Михаила Фё-

термины покровительства: «благодетелем бывшим моим» (Семёну и Емельяну Инковым. – С.Н.), «во всем надейтесь на меня (Михайло Окулова. – С.Н.)»⁶⁶. Обе стороны выступают как заинтересованные в выстраивании отношений патрона: Михаил стремится вернуть какую-то часть убытков, Инковы хотят выйти из-под следствия и добиться снятия церковного проклятия. При этом Михаил готов задействовать личные связи (знакомство с судьёй Судного приказа), знание особенностей характера архиепископа Афанасия.

Инковы так и не приехали в Холмогоры в 1689 г. В декабре в Мезени с поручениями архиепископа оказался сам Михаил Окулов. Об этом приезде владыке Афанасию в челобитной сообщил Карп Инков. Священнику Окладниковской слободы Софронию архиерейский подьячий выдал память, разрешавшую Семёна Инкова «в церковь пущать и в дом к нему со святынею ходить». С других представителей опального клана, Карпа и Емельяна, отлучение не сняли. Это вызвало недоумение челобитчика и вынудило обратиться напрямую к архиерею⁶⁷.

Из показаний Семёна Инкова выясняется, что освобождение от церковного проклятия было дано за вознаграждение. Михаил Окулов получил «полтину денег, да кожу оленью, да на него же, Сенку, взял кабалу в четырех рублех» и, таким образом, выполнил свою часть сделки. Семён и его братья Фёдор и Иван получили архиерейскую память о снятии отлучения в обмен на принесённую «вину с покорением»⁶⁸. С Карпом и Емельяном Инковыми Михаил не смог или не пытался договориться. Чем завершилось рассматриваемое дело, к сожалению, остаётся неизвестным.

Рассмотренный конфликт, казалось бы, единичный, обращает внимание на то, что в конце XVII в. на Русском Севере в среде промышленников-зверобоев сохранялись магические практики. Это не вызывало осуждения, но становилось поводом для манипуляций в решении спорных вопросов. Церковная реформа патриарха Никона вызвала неприятие у части русского общества, но сопротивление новшествам не отличалось активностью, сводясь к игнорированию исповеди. Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий использовал в борьбе с расколом разнообразные средства. Все они применялись и в рассматриваемом конфликте: дисциплинарная ответственность за непосещение исповеди, использование архиерейских служителей для розыска и поимки раскольников, допросы и пытки в Судном архиерейском приказе, обращение к местным органам власти и самоуправления для выявления противников церковной реформы.

Выходом из-под давления духовной власти становилось обращение к социальным связям: на локальном уровне (в Окладниковой слободе) – к соседям и воеводе, на региональном (Холмогоры) – к архиерейским служителям. Если первое позволяло отиться (в том числе в буквальном смысле слова) от действий администрации, то второе могло помочь избавиться от улик или выбрать удачную стратегию поведения на следствии. Патрон-клиентские отношения в среде крестьян, посадских людей и архиерейских служителей выстраивались на основе соседства, общности деловых интересов и личной приязни.

доровича // Петербургский исторический журнал. 2019. № 4. С. 84–98; Новохатко О.В. Россия. Частная переписка XVII века. М., 2018. С. 393–395.

⁶⁶ ГА АО, ф. 1025, оп. 1, д. 274, л. 3; д. 1295, л. 1 об.

⁶⁷ Там же, д. 282, л. 1, 2.

⁶⁸ Там же, д. 274, л. 1, 2.